Бухуров М.Ф.

Образ антагониста героя в цикле о братьях Ешанокowych

*Институт гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
(Россия, Нальчик)*

doi: 10.18411/trnio-11-2021-193

Аннотация

В статье путем сравнительно-типологического анализа устанавливаются особенности взаимодействия младшего эпоса с нарративами архаического нартского эпоса и богатырских сказок. В качестве примера исследуется образ одного из малоизученных персонажей историко-героического эпоса адыгов (черкесов) Дагужа Куйцукоко – антагониста героя в цикле сказаний о братьях Ешанокowych. Для рассмотрения привлекаются повествования, основанные на универсальных мотивах о рождении, богатырском детстве, добывании коня, деяниях и гибели героя, определяются также чудесные свойства самого персонажа, его коня и оружия; выявляется связь этих мотивов с мифологическими архетипами, и определяются их роль и функции в создании названного образа.

Ключевые слова: адыгский историко-героический эпос, богатырская сказка, предание, нартский эпос, цикл о братьях Ешанокowych, антагонист героя.

Abstract

In the article, by means of a comparative typological analysis, the features of the interaction of the younger epic with the narratives of the archaic Nart epic and heroic tales are established. As an example, the author investigates the image of one of the little-studied characters of the historical and heroic epic of the Adygs (Circassians) Daguzha Kuytsukoko – the antagonist of the hero in the cycle of legends about the Eshanokovy brothers. For consideration, narratives based on universal motives about birth, heroic childhood, obtaining a horse, deeds and death of the hero are involved, the wonderful properties of the character himself, his horse and weapons are also determined; the connection between these motives and mythological archetypes is revealed, and their role and functions in the creation of the named image are determined.

Keywords: Adyg historical and heroic epic, heroic tale, legend, Nart epic, cycle about the Eshanokovy brothers, hero's antagonist.

Предания и песня, посвященные братьям Ешанокowych, ученые относят к младшему (историко-героическому) эпосу, где практически все произведения посвящены событиям, которые произошли или же могли бы произойти в исторической действительности. Однако в его художественной системе наличествует и множество элементов, восходящих к архаическим жанрам устного народного творчества адыгов. Наглядным примером этого является цикл о братьях Ешанокowych, в котором многие мотивы, сюжеты и образы имеют прочную связь с героическим нартским эпосом, со сказками о богатырях и их подвигах и др. В качестве примера в настоящей статье рассматривается образ *КъуийцIыкIуокъуэ* (Куйцукоко), в котором преобладают черты персонажей указанных жанров. По справедливому замечанию А.М. Гутова, «...выдающийся герой должен был быть выделен из общей среды соответствующими свойствами: необычайной силой, необычайно быстрым ростом, необычайно ранним проявлением каких-то достоинств, а также необычайностью самого рождения» [4, с. 28]. Так, нарт Сосруко рождается из камня; он горячий как огонь, его закаляют, окуная в воду, поэтому все его тело становится стальным, а колени остаются плотью (ср.: мотив уязвимого места на неуязвимом теле); он быстро растет: когда его ровесники еще играли в альчики, он уже был возмужалым; он одолевает страшного иныжа (великана) и приносит огонь нарта и т.п. [5, с. 181-388]. Батраз рождается от брачной связи нарта Хымышы с девушкой из карликового племени *испов* (по некоторым вариантам,

младенца достают из спины его отца); он разрывает ремни из шкуры зубра (вола, оленя, буйвола), ломает бока люльки, выходит из нее и сразу же начинает ходить (по некоторым вариантам, он в месяц прибавлял столько, сколько должно было прибавляться в два месяца); в юношеском возрасте мстит за кровь своего отца (убивает могучего нарта Пши-Маруко), сражается с иныжами и побеждает их [6, с. 130-291]. Такими свойствами обладают практически все центральные персонажи нартского эпоса и многие герои богатырских сказок. Очень часто в архаическом фольклоре подобным образом выделяется и антагонист центрального героя – *иныж* (великан), *мезитль* (букв.: лесной человек) и др. Как отмечал Ш.Х. Хут, «...создавая образы страшных чудовищ, сказители не поскупились на черные краски. Они стремились обрисовать их как можно страшнее, отвратительнее и коварнее. Тем самым они возвеличивают героя, подчеркивают величие его подвигов» [10, с. 54]. Например, в адыгской мифологии Иныж антропоморфное существо огромного роста, иногда – многоголовый, с одним глазом во лбу, наделен незаурядной физической силой и магической способностью. Мезитль – антропоморфный персонаж с секирообразным выступом на груди, чем он убивает своих жертв. Следует обратить внимание и на следующее их свойство: когда они засыпают, из их ноздрей начинает вырываться пламя [7, с. 323]. В большинстве случаев антагонист героя неуязвим, потому что его душа скрыта в определенном месте или предмете (см. сюжет АТ 302 Смерть Кашея в яйце). Чаще всего это его же меч: герой, чтобы одержать победу, должен ударить врага его же мечом.

Такими же признаками наделен антагонист героя, который фигурирует в цикле о братьях Ешанокowych. Уже в имени этого персонажа (*КъуийцIыкIуокъуэ*) наблюдается один из широко распространенных в мировом фольклоре и литературе художественных приемов, с помощью которого создается выразительный образ – сочетание литоты с гиперболой. Само слово состоит из трех слов: *къуий* – лысый, плешивый; *цIыкIу* – маленький; *къуэ* – сын; переводится как *Сын Маленького Плешивца*. Образ *Куйцука* (Маленький Плешивец) распространен в нартском эпосе, в волшебных и богатырских сказках. В них он выступает в роли пастуха (чабана). Широкую популярность образ получил и в плутовских новеллах (шуточных сказках и анекдотах), где он представлен физически слабым, но остроумным персонажем. Другими словами, Куйцук типологически относится к так называемым «низким» фольклорным героям. Исключение составляют некоторые богатырские сказки, где он выполняет функцию центрального персонажа и наделяется чертами богатыря. Куйцукоко – сын Маленького Плешивца, но обладает огромной физической силой и магическими способностями. Надо заметить, что, в отличие от сказки и архаического эпоса, имена собственные в историко-героическом эпосе не всегда обладают дополнительной семантической нагрузкой, которая определяет их функции. Скорее всего, и в данном случае нет прямой связи с именем и сутью самого персонажа. Образ Куйцукоко вобрал в себя не только черты антагониста, но и признаки центральных персонажей указанных жанров фольклора. Так или иначе, здесь большинство из них встречается в трансформированном виде, т.е. используются мотивы, восходящие к мифологическим представлениям древних людей, но с придачей им характерных признаков, свойственных повествованиям, основанным на реальных фактах или событиях исторической действительности.

Сюжеты, связанные с его образом, можно подразделить на две группы: 1) биографические; 2) о его отдельных деяниях. В первом случае наблюдается принцип «эпической биографии», свойственный архаическому эпосу, где детально разработаны сюжеты о рождении, богатырском детстве, первых подвигах, гибели героя. Однако в преданиях о Куйцукоко, как это принято в младшем эпосе, его жизненный цикл не так выразителен, как у его «предшественников» – персонажей нартского эпоса. В цикле отсутствует, например, сюжет о рождении Куйцукоко, но сохранился мотив о его детстве, который реализуется в сказочном сюжете АТ –655* (в научный оборот введен Ж.Г. Тхамоковой [2, с. 586]). Данный сюжет получил широкую популярность в адыгских волшебных сказках и известен под названием «*Уэ альным урицхьэт...*» («Ты череп альпа...» (*альп* – эпическая порода лошадей, обладающих чудесными свойствами)) [2, с. 519-521, 521-

522, 522-524]: наездники похищают мальчика; один из них берет его на воспитание, при этом он обязуется не говорить ему «*Возвращайся домой!*» (ср.: сюжет АТ 400₁); приемный отец нарушает запрет, и юноша, огорченный этим, убегает; в зарослях он находит череп коня, и по незаметным признакам узнает, что он – череп альпа; используя чудесные способности своего воспитанника, приемный отец приобретает трех альпов; герой замечает уязвимые места двух альпов (у одного кости черепа тонкие, поэтому не выдерживают прямого попадания лучей солнца; у другого – подошвы мягкие, поэтому он не может долго бежать по каменистой местности (ср.: образ коня Сосруко)); на третьем коне Куйцукоко удается уйти от преследования [3, с. 115-116]. В экспозиции повествования о детстве героя мы узнаем, что его отца убивают в походе, т.е. Куйцукоко не знает своего отца. Как отмечает А.М. Готов, «в преданиях, где чаще всего достоверность рассказа менее всего должна подвергаться сомнению со стороны традиционного общества, чудесное рождение обычно адаптируется, и это, как можно полагать, связано с утратой веры в его вероятность. Партеногенез становится или «прерогативой» отдельных выдающихся героев, или же вовсе трансформируется в неизвестное, таинственное происхождение» [4, с. 29], что и наблюдается в рассматриваемом предании. Однако это не означает, будто сюжет о безотцовстве героя сформировался в историко-героическом эпосе. Мы знаем, что еще в сказаниях о Сосруко, особенно в более поздних версиях, нартты упрекают героя в том, что он не помнит своего происхождения [5, с. 365-371]. Больше всего мотив распространен в циклах о младших богатырях (Озырмес, Батраз, Ашамез и др.) нартского эпоса: в них, как правило, отец погибает до появления героя на свет [6, с. 23-27, 178-184, 294-296]. И в изучаемом образе налицо прямое заимствование элементов архаического мотива безотцовства, и здесь они выполняют ту же функцию, что и в нартском эпосе – используются как способ выделения героя.

В сюжете о детстве Куйцукоко трансформируется и морфологический элемент *вредительство*. Здесь он соответствует предложенной В.Я. Проппом функции A^1 : он [антагонист] *похищает человека* [8, с. 34]. В адыгском героическом эпосе, в богатырских и волшебных сказках эту функцию чаще всего выполняют мифологические существа: иныж, бляго (дракон), мезитль, наштушидзе (аналог Бабы-яги русских сказок) и др. В цикле о братьях Ешанокowych подобный поступок совершают обыкновенные люди – наездники, при этом, в отличие от древних жанров фольклора, – с целью воспитания героя. Как можно заметить, в последнем случае наблюдается параллель с сюжетом о детстве другого персонажа историко-героического эпоса Андемиркана: охотники находят мальчика на развилке дерева; бездетный Андемир усыновляет его [1, с. 138-146]. Как уже отмечалось, в предании используется общефольклорный сюжет АТ 400₁. В восточнославянской сказке, например, он известен под следующей формулировкой: 400₁=АА 400А=К 400А, В, С, D *Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену (жена ищет мужа)*: при вступлении в брак муж (жена) обязуется не нарушать какого-либо запрета; нарушив запрет, отправляется на поиски исчезнувшей жены (мужа) и благодаря чудесной помощи находит [9, с. 127]. В адыгском нартском эпосе он представлен так: отец Батраза Хымыш хочет жениться на дочери предводителя карликового племени испов; обещает не называть ее «малюткой злосчастной»; Хымыш нарушает клятву, и жена (дочь испа) уходит от него [6, с. 168-173].

Следует обратить внимание и на мотив добывания коня Куйцукоко. Как известно, герои нартского эпоса и богатырских сказок находят или выбирают из целого табуна неказистого, полуживого жеребенка, худого, дряхлого коня и т.п., из которого в дальнейшем вырастает настоящий альп, благодаря которому богатырь совершает различные подвиги. В рассматриваемом предании Куйцукоко из всего табуна своего приемного отца не может найти подходящей лошади, но на обратном пути он замечает стоящих возле помойки старых худых коней; по скрытым признакам определяет чудесные способности альпов, и выбирает их. В финале предания Куйцукоко на этом коне возвращается домой к матери. Он вырастает и становится жестоким, безжалостным, суровым богатырем, о чем мы узнаем из рассказов о «взрослых» деяниях этого персонажа. В качестве примера рассмотрим предание

«ЕщІэнокъуэ Атэбий» («Ешанокко Атабий») [3, с. 78-80]. Повествование посвящено женитьбе отца братьев Ешанокковых Атабия и их появлению на свет. Как и в вышеупомянутом тексте, здесь основу сюжетной структуры образуют мотивы, сформировавшиеся в архаических жанрах фольклора. В частности, в начале предания используется универсальный сюжет «Герой ищет противника сильнее себя». В нартском эпосе он встречается, например, в сказании о бое Сосруко с Тотрешем: Сосруко несколько раз подряд одерживает победу (в битве двух войск, в богатырских играх нартово) и решает, что он самый сильный; но затем встречается с богатырем (Тотрешем), превосходящим его в силе; они сражаются дважды, и Сосруко хитростью одерживает победу [5, с. 236-240]. В сказочном эпосе адыгов герой считает себя самым сильным; он встречает более сильного богатыря, который, в свою очередь, рассказывает историю, как он повстречал еще более сильного человека (ср. АТ 650 В) [2, с. 350-352, 352-354, 354-359, 359-360]. Куйцукоко узнает о существовании другого богатыря (Атабия) и решает испытать его на смелость и храбрость: он убивает младшего брата Атабия, зная, что тот по обычаю должен отомстить за кровь своего брата. Тем самым он бросает вызов герою (ср.: в нартском эпосе, в цикле об Ашамезе, и во многих богатырских сказках герой угоняет табун своего врага, ранит головного жеребца и отпускает, таким образом вызывая своего противника на открытый поединок). Далее следует весьма распространенный у многих народов сюжет АТ 302 *Местонахождение души антагониста героя*: Куйцукоко похищает девушку; она знает, где скрыта душа своего похитителя и об этом сообщает Атабию: после того, как из ноздрей кровного врага начнет вырываться пламя (это означает, что антагонист уже заснул), он должен ударить Куйцукоко его же мечом; следуя этим советам, Атабий убивает Куйцукоко. Таким образом, он мстит за кровь брата и женится на этой девушке. От этого брака рождаются два брата – Озырмес и Темиркан, которым посвящены другие сказания цикла.

Таким образом, как видно из проведенного анализа, образ Куйцукоко сформировался на позднем этапе эволюции адыгского эпоса. Однако, несмотря на это, в нем прослеживаются черты, характерные для персонажей более древних жанров фольклора, (нартских сказаний, богатырских сказок и др.), и это свидетельствует о сильном влиянии раннего эпоса на художественную систему историко-героического эпоса или же о тесной преемственной связи между двумя типологическими разновидностями героического эпоса в адыгском фольклоре.

1. Адыгские историко-героические песни и предания. Т. 1. Андемиркан / гл. ред. А.М. Гутов. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 430 с.
2. Адыгэ таурыххэр. 2 т. Телыджей таурыххэр / зэхэз. Тхэмокъуэ (Брай) Женэщ. Налшык: ИГИ КБНЦ РАН, 2018. Н. 592.
3. Адыгэ ІуэрыІуатэхэр. 2 т. / зэхэз. КъардэнгъуцІ З.П. Налшык: Эльбрус, 1969. Н. 412.
4. Гутов А.М. Народный эпос: Традиция и современность. Нальчик: КБИГИ, 2009. 228 с.
5. Нарты. Адыгский эпос. Т. 1. Ранние циклы эпоса. Сосруко / под общ. ред. А.М. Гудова. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. 424 с.
6. Нарты. Адыгский эпос. Т. 2. Озырмес. Батраз. Ашамез / гл. ред. А.М. Гутов. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 468 с. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/2.%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB.%D0%A2%D0%BE%D0%BC-2.pdf> (дата обращения: 20.10.2021).
7. Нарты. Адыгский эпос. Т. 4. Малые эпические циклы. Разрозненные сказания / гл. ред. А.М. Гутов. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2020. 420 с.
8. Пропп В.Я. Морфология сказки. Изд. 2-е. М.: Наука, 1969. 168 с.
9. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / отв. ред. К.В. Чистов. Л.: Наука, 1979. 438 с.
10. Хут Ш.Х. Сказочный эпос адыгов. Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1981. 192 с.